

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 25 340

1 МАРТА 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

◆ Колхозную литературную газету периодически выпускает политотдел МТС Зинковского района (Харьковский). Украинские писатели (Патро Панч, Л. Зимний, Копыленко и др.) помогают первой в Союзе колхозной газете, «Патрия веде» («Патрия веде»). Притом литературного материала, особенно стихов, от начинающих авторов очень велико. Тираж газеты растет с каждым номером. Сейчас он достиг уже 2500 экземпляров.

◆ С радиостанции имени ВУСПС будет передаваться 3 марта (в 18 ч. 30 м.) литературный вечер «БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ НАВАЛ ИМЕНИ СТАЛИНА». В программу вечера включена радиопомощи ВЕРЫ ИНБЕР и Г. ГАУЗНЕРА, специально сделанная на стихи «Беломорской», написанной коллективом советских писателей под руководством М. Горького Постановка и исполнение радиопомощи поручена В. КАНЦЕЛЮ.

Дневник
Литературной газеты

1 марта

Девятого марта исполнилось 120 лет со дня рождения поэта Шевченко. Тридцать первого марта 125 лет со дня рождения Гоголя Юбилей эти, разумеется, будут отмечены. Некоторые приготовления к ним уже ведутся. Организуются выставки, выпускаются приуроченные к юбилею издания. Так, ГИХЛ выпускает «Мертвые души» с рисунками А. Г. «Детство Чичикова» в серии начинающего писателя, «Вечера на хуторе близ Диканьки» в дешевой библиотеке ОГИЗ и монографию Андрея Белого о творчестве Гоголя. В Ленинграде организуются выставки, посвященные творчеству Гоголя, в Киеве организуется Украинской академии наук выставка жизни и творчества Шевченко. Разумеется, выставки эти нужны и во мно-гом помогут читателю, интересующемуся Гоголем и Шевченко. Но что касается изданий, то сделанного весьма и весьма недостаточно. Если даже сведения, имеющиеся у нас, не полны, если в серии массового читателя выпускается не одна, а две книги, если роскошным изданием, кроме «Мертвых душ» будет выпущен «Ревизор», — изменится многое.

Достаточно, полно и достаточно до дешевого издания Гоголя и Шевченко у нас до сих пор нет. Вышедшие немногие отличаются от дореволюционных и, разумеется, совершенно недостаточны для пропаганды величайших наших писателей в читательских массах.

С изданием классиков у нас вообще дело обстоит весьма неблагоприятно. Юбилейные даты напоминают об этом. Хотелось бы, чтобы даты, о которых идет речь (если не дано им быть отмененными выпуском в свет нужных читателю книг), положили начало работе по их подготовке. Пусть книги Гоголя и Шевченко будут выпущены не к их юбилеям. Но пусть работа эта будет сделана, пусть массовый читатель, получив возможность, ощутив желание ознакомиться с выставками хорошо ему известных и любимых им писателей.

Вопрос о театральных стабильных учебниках (которых до сих пор вообще не существовало в природе, если не считать анекдотических руководств сценической игры) — это прежде всего вопрос правильной методологической осмысления и систематизации существа и методики преподавания сценических и театроведческих дисциплин. До сих пор преподавание таких основных предметов, как мастерст-

во актера, режиссура, художественное слово и т. д., велось мягко выражаясь, достаточно импрессионистично: каждый педагог за свой страх и риск составляет программу, организует свой опыт в некую систему и преподносит ее учащимся. Театроведческие дисциплины находятся нисколько не в лучшем положении. Здесь тот же разброд в программах, в объемах курсов, в методах преподавания и учета.

«Очерки по истории театра в Западной Европе и России» К. Гизера совершенно беспомощны в научном и вредны в методологическом отношении.

«Очерки по истории театра в Западной Европе и России» К. Гизера совершенно беспомощны в научном и вредны в методологическом отношении. «История европейского театра» Гвоздева и Пиотровского, очень обильная по материалу и весьма недостаточная. Если даже сведения, имеющиеся у нас, не полны, если в серии массового читателя выпускается не одна, а две книги, если роскошным изданием, кроме «Мертвых душ» будет выпущен «Ревизор», — изменится многое.

Не лучше дело обстоит и с литературой о советском театре. Ни устаревшая книга Маркова «Современные театральные течения», ни громоздкий 1 том «Истории советского театра», ни теоретически отяжеленная спорная книга П. Новикова не могут быть рекомендованы как учебные пособия.

Сектор искусств НКПроса проявляет полную заботу, однако до такого состояния, когда в театральные школы и техникумы, и если сейчас, с опозданием чуть ли не на год после постановления ЦК о начальной и средней школе, сектор искусств начал заказывать учебники, то к концу года перед тысячами учащихся театральные школы с собой не снял.

Всего заказано 14 учебников, к составлению которых привлечены крупные режиссерские и научные силы.

А. Попов и П. Урбанович пишут учебники по актерскому мастерству. А. Гринич — по режиссуре, Е. Сарыгова, Е. Корсакова, И. Толмачев — по художественной речи, И. Иванов и Е. Шимарева — по движению.

Учебник по истории мирового театра пишет С. Мокульский; хронология по истории западного театра составляет Т. Динник и Г. Бояджиев; учебник и хрестоматия по истории русского театра составляет М. Прыгунов, Бродский и П. Новикова; Б. Алперс пишет учебник по драматургии, Р. Рудин — по драматургии, А. Голубицкий и С. Жемский — по музыкальному воспитанию; В. Шестаков, Шифрин, Курилко и Мандельберг — по материальному оформлению.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ТЕАТР

Ф. ПАНФЕРОВ

Спектакль шел в бывшей барской каменной конюшне. Стены длинного совсем непригодного для театра здания от крепкого порыва ветра трещали, сухим инеем, порывами зыбко, талась, жалась, а на сцене шла представление. На сцене в окномном положении находилось три человека: судья, коммиссар его невеста. Судья приговаривал участника Парижской коммуны к смертной казни. Коммунар «страдал», «страдала» его невеста, и все трое они играли, как куклы; двигались только тогда, когда судья говорил: «встал и прошлся», «помотал головой», «испелась в ужасе приложила ладони к лицу». Временами артисты не слышали судью. Тогда ребяташки, обступившие судью, флерскую будку, громко передавали артистам судьиные слова, а зрители покатывались с хохоту. Когда же невеста, кутаясь от холода в шубку, по ходу событий песни заговорила, что ей не тепло, тепло жарко, публика взорвалась и на сцену полетели реплики:

— А ты раздвесься, Машка!

— Жарко ей!

Так шло представление. Так драматический эпизод из жизни Парижской коммуны превратился в комедию, и зрители больше смеялись на шутки из публики, над артистами, над ребятамишкими... Но главный постановщик спектакля вовсе не смущался, наоборот, разгоряченный, он выскочил за занавес и громко возмущался:

— Завтра новая постановка: «Волк в овечьей шкуре», пьеса моего собственного сочинения, в исполнении тех же артистов.

И на завтра люди снова хлынули на спектакль, хлынули, потому что так было весело, потому что искуды было лезть длинные, зимние вечера.

Это называется доморощенный, местный спектакль. Таких не мало, и позорить тут надо не доморо-

На днях состоялась обстоятельная беседа активная ленинградских колхозных писателей с зав. культпропом ленинградского обкома партии т. Позерном.

В беседе т. Позерн широко развил темы, которые ждут творческого воплощения в художественной литературе. Основной серьезной решавшей темой для колхозного писателя т. Позерн считает борьбу старого с новым, показ сложного процесса взаимоотношений колхозников, представителей социалистической деревни и единичников. Нужно показать в литературе основных организаторов социалистической деревни. Конкретно, по-большому руководит — это значит правильно расставить людей, использовать средства произвола на основе участия и содействия новаторства. Это будут новые общественные отношения — и их — то и должен показать колхозный писатель. Писателю нужно крепко коснуться вопросов самокритики и деревне, показать, как в деревне борются за новые формы труда, за освоение культуры. Особенно важно показать роль женщины, энтузиастов стариков-колхозников и нашей замечательной молодежи.

Показывая борьбу нового со старым, нужно суметь разобраться в

сложных процессах, происходящих в деревне, показать настроение и чаяния крестьянства, раздвигать живых людей, строящих новую деревню. Все эти задачи в нашей литературе решаются далеко не достаточно. Например, даже такой писатель, как Панферов, решает задачу показа строительства новой деревни, роста новых людей и борьбы старого с новым не всегда и не совсем верно. На сцене партии Панферов говорил не совсем правильно. Он много говорил о том, что смотрит на действительность открытыми глазами, — но этого мало. Надо смотреть так, чтобы не увлекаться одним за счет другого, чтобы не увлекаться «волею мужикской души», как это сделал Панферов. Тов. Панферов соглашается с замечаниями Горького о том, что в романе «Твердой поступью» показ «воли крестьянской души» часто заслоняет дальнейшие процессы, происходящие на селе. Неудачны в романе Панферова и образы партийных работников. Непонятно, например, как вырос Левка. Секретарь ячейки в изображении автора дурак, райкомовец, приезжавший в колхоз — лентяй. Также и ряд других фигур никак не характеризует партийные кадры в деревне.

На встрече с писателями редактор — политотделский показывал т. А. Архангельскому стихи, напечатанные в политотделских газетах.

ПОЛИТОТДЕЛЫ ЖДУТ ПИСАТЕЛЕЙ

Встреча писателей с редакторами политотделских газет

В зале Всесоюзного коммунистического института журналистики имени «Правды» встретились третьи дня с советскими писателями 170 редакторов политотделских газет.

Передовиков партийной печати социалистической деревни от имени Оргкомитета ССП СССР приветствовал выступивший с докладом т. В. Ставский. Охарактеризовав массовость литературного движения в советской стране, лучшим свидетельством которой служит появление высокохудожественных книг магнитогорского машиниста А. Лебедева, московского Мусатова, уральца Ручьева, т. Ставский подчеркнул необходимость способствовать выявлению и росту новых

творческих сил, тающихся в рабочих и колхозных массах.

— К стыду нашему, — говорит т. Ставский, — литература отстает от нашей действительности. На только что прошедшем съезде партии мы слышали раз были свидетелями этого отставания литературы: когда Лазарю Моисеевичу Кагановичу нужно было прибегнуть к яркому, живому образу, ему пришлось процитировать Гоголя и Салтыкова-Щедрина, а не современных произведений советской литературы. И в этом не потому, что т. Каганович недостаточно знаком с нашей современной литературой, — он прекрасно знает ее и следит за ней, — а лишь потому, что литература наша не создала еще таких превосходных образов, какие дала в прош-

лом русской литературе. И это для нас, писателей, — величайший стыд и упрек, и напоминание, и директива к действию.

Советская литература только еще создает тип героя нашего времени. Между тем в колхозах нашей страны поднимаются к активной и сознательной жизни миллионы новых людей.

Этот массовый подъем к сознательной жизни уже сам по себе является огромной и вдохновляющей темой для писателя. Но писатели не успевают за жизнью: время уходит, герои растут, книги отстают от своих героев.

— Надо писателей крепче подстегивать, — говорит поэтому политотделским редакторам т. Ставский. — Ставьте перед нами крепко эти задачи, крепче подстегивайте нас...

Тов. Ставский напоминает и о словах Маркса о том, что книжка, которая не нашла себе потребителя, — не написанная книжка. Если отнять перспективу напечататься даже у крупнейших мастеров литературы, — они потеряют всякое желание работать. Поэтому очень важно помочь начинающему колхозному писателю увидеть свое произведение в печати, это послужит вдохновляющим стимулом для его творческого роста. Привлечение художественного материала в политотделскую газету тем более важно, что в ее языке еще много «революционного», а стихотворение, очерк, рассказ гораздо лучше ложатся на колхозного читателя, чем та же мысль, выраженная обычным газетным языком.

Тов. Ставский призывает политотделских редакторов сплотить вокруг руководимых ими газет наиболее талантливых молодых, создавать литературные кружки, способствовать тому, чтобы начинающие авторы учились не столько по учебникам литературы, сколько грамоте — в школе, а литературному труду — на практической работе.

Большую помощь в руководстве массовым литературным движением должен оказать в ближайшем времени и перестраивающийся журнал «Литературная учеба» и передача опыта писательской работы через газету «Правда» (учебную газету заочного сектора ВКПЗ). Большую роль, несомненно, сыграет и организуемое специальное пресс-бюро «Крестьянской газеты». Будет печатать лучшие произведения писателей, которые можно было бы «без спроса» рекомендовать для напечатания в политотделских газетах.

Тов. Ставский подчеркнул, что Оргкомитет смотрит и на самих редакторов — политотделцев, как на растущий резерв писательских кадров, и приглашает их теснее связаться с издательствами художественной литературы, с редакторами журналов и существующими при них литературными консультациями.

Тов. Ставский рассказал о ряде интересных мероприятий, прово-

Яр СМЕЛЯКОВ

СЧАСТЬЕ

Так мне кажется —
Сердцу тише,
Придавив
Некрепкий лед
Над высокой
Немецкой крышей:
Подымается
Самолет.

Восемь парней
Глазом не верю,
Зубы сжав,
Говорят: —
— Пока.

Некрасивый мужик:
Геринг
Грустно смотрит
На облака.
Там еще
Остается слева,
Головавшая
Сыновей,
Мать Димитрова —
Параскева.

Скажите, юноши, матерей.
Но еще остается упорство
Тех.

Что злобу свою хранят.
Путь к строителям
Магнитогорска
От строителей
Баррикад.
Этот мы понимаем как
Он летит,
Величав и прост,
Над заводом
И над лесами,
У еще
Непогасших звезд.
Он летит.

Принимая тучи,
Он крыло над Москвой
Простер.

И ребята с улыбкой лучшей
Слышат тихий его мотор.
Вечер. Ночь.
Через ветер черноты

Прямо в руки мои
Идет
Трехмоторный,
Пятимоторный,
Потрясающий самолет
Тяжелый

Подымая брови,
Улыбаясь,
Моей стране,
Прямо с неба
Идут герои,
Похудевшие в тишине.

Не заметив
Закат отверстий,

И не в силах
Глядеть назад,
Краснопресненские
Оркестры
Задыхаются
И молчат.
Мы встречаем тебя
Светлым
Мы приносим тебе
Цветы.
Мы гордимся тобой
И нами.

Вероятно,
Гордишься ты.
Мы встречаем тебя
Обетом,
Грозной музыкой
Наших дней.

Не мешают
Играть квартетам
Барабаны
Моих друзей.

Снег летит
Под большие ноги.
Стань, примей.
Посмотри кругом —
Мы тебе отдаем
Дороги

И сады свои
Отдаем.
Стали химик
И хлеборобы.
Что сказать,
Если вы дошли,
Через тюрем
Глухую злобу
До прекрасной
Большой земли.

Что сказать мне
К такому часу,
Чем похвалиться?

Прости меня,
Если нету в моих
Записях
Слов

Достойных такого дня.
Если я
По привычке давней
Не приучен

В лавры бить,
Если я заикаюсь,
Когда мне
Страшно хочется
Говорить.

Если я,
Разсуждая здраво,
Мир поучивал
В тишине.

Это счастье мое,
И, право,
Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

Счастья этого хватит мне.

